

УДК 910.4(4-015) + 910.4(477) + 392

Н. И. Храпунов**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДНЕВНИКЕ
ШОТЛАНДСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ДЖ. УЭБСТЕРА (1827)**

Анализируется сочинение Джеймса Уэбстера, никогда не публиковавшееся на русском языке и давно ставшее библиографической редкостью. Записки Уэбстера рисуют живую картину нового мира — описания Восточной Европы и Южной России (Крыма). В его дневнике — масса интересных сведений о жителях этих регионов, об устройстве экономики и государственного управления этих стран, религии и культуре, этнографии и археологических памятниках.

Ключевые слова: Джеймс Уэбстер; дневники путешественников; Восточная Европа; Крым; этнография; религия; культура.

Записки иностранцев о России пользуются заслуженным интересом у исследователей не в последнюю очередь благодаря появившейся возможности обратиться к зарубежной историографии, разрабатывающей различные методические и практические вопросы, связанные с интерпретацией этой группы литературных памятников, и прежде всего классической монографии Л. Вульфа о «воображаемой географии» XVIII в. [см.: Вульф]. В первой половине следующего столетия сочинения путешественников, как и раньше, были важнейшим источником, откуда их современники черпали информации о дальних странах. Среди описаний Восточной Европы и Южной России выделяются дневники юного шотландца Джеймса Уэбстера, которые, однако, остаются практически вне сферы интересов исследователей.

Это сочинение никогда не публиковалось на русском языке, а английский оригинал [см.: Webster] давно стал библиографической редкостью. Нельзя сказать, что записки юного шотландца совсем не были замечены современниками; так, в английском «Ежемесячном обозрении» их содержание было изложено в деталях и сопровождалось некоторыми комментариями [The Monthly Review, р. 434–449]. В современной же научной литературе сочинение Уэбстера если и упоминается, то лишь мельком [см.: Непомнящий, с. 53; Kizilov, р. 119, 183]. Думается, исследователям стоило бы уделить ему куда больше внимания. Во-первых, благодаря разнообразной этнографической, исторической, археологической информации, которую сообщает шотландец. Вот лишь один пример: записки Уэбстера рассказывают о начале исследований двух выдающихся археологических памятников — античного Херсонеса и позднескифской столицы на городище Керменчик (предполагаемый Неаполь), сообщая ряд деталей, в других источниках отсутствующих [подробнее см.: Храпунов 2011а, с. 617–620]. Во-вторых, перед нами образец того, как британец наносит Восточную Европу на «ментальную карту», находя для ее памятников и обитателей особое место в картине известного мира, пример особенностей и стереотипов восприятия нового, который имеет как общие, характерные для британского мировоззрения,

так и индивидуальные черты, присущие одному автору. Эти обстоятельства заставляют задуматься о необходимости издания аннотированного перевода по крайней мере восточноевропейской части записок Уэбстера, а также о всестороннем изучении данного источника в контексте истории Юга России первой половины XIX в. и русско-британских контактов того времени.

Джеймс Уэбстер (7 ноября 1802 — 1 августа 1828), пятый сын шотландского священника из Инвирарити (графство Форфар), занимался в колледжах Св. Андрея (Сент-Эндрюс), где получил степень магистра, и Эдинбургского университета, изучал право в лондонском Иннер-Темпле. Начиная с 1824 г. он, прервав обучение, совершил ряд длительных поездок по континенту, желая познакомиться с жизнью других народов и расширить свой кругозор. В XVII — первой половине XIX в. длительная поездка на континент считалась важным элементом образовательной программы для представителей высшего класса [см.: Chaney; Trease].

Уэбстер побывал на Мальте, в Италии, во Франции и Нидерландах, в Германии и Австрии. Оттуда он, через Краков и Львов, выехал в Южную Россию. Уэбстер планировал из Одессы отправиться морем в Константинополь, но обстоятельства задержали отплытие, побудив его совершить дополнительную поездку в Крым. Путешествие в Османскую империю и на Ближний Восток завершилось в Египте. Уэбстер уже собирался возвращаться на родину, но скоротечная лихорадка не позволила ему это сделать; 25-летнего иностранца похоронили в Каире, на греческом кладбище [см.: Memoir].

Бумаги Уэбстера доставили в Англию и впоследствии издали в память об авторе. Таким образом, это практически не редактировавшиеся дневниковые записки, отражающие непосредственные наблюдения и размышления. Стиль их прост и ясен. Иногда текст дневника прерывают рассуждения на темы политики и морали, религии и мироустройства. Свои личные, внутренние переживания Уэбстер описывает не без доли романтизма. Например, где-то в одесской степи путешественник стал свидетелем необыкновенного заката и восхода полной луны. Восхищенный, он вспомнил подходящие к случаю стихи Байрона, что и отметил в дневнике [см.: Webster, vol. 1, p. 40]¹. Но язык записок становится другим — сухим, реалистичным, пожалуй, даже с некоторой долей цинизма, когда речь заходит о наблюдениях над «внешним» миром. Записи Уэбстера не сравнить по информативности со знаменитыми сочинениями П. С. Палласа и Э. Д. Кларка, зато они многое говорят об образах Восточной Европы, складывавшихся в воображении обычного путешественника. Дневники Уэбстера можно сопоставить с сочинением другого англичанина — Р. Хебера, посетившего Россию в 1806 г., которое также издавалось посмертно [см.: The Life, p. 91–268; ср.: Храпунов, 2008].

¹ Отметим, что Байрон — источник нескольких цитат, рассыпанных по тексту, и он же дважды становится оппонентом автора там, где тот рассуждает о «греческом вопросе» [см.: Webster, vol. 1, p. 24, 154–155]. Непонятно, возил ли Уэбстер с собой книгу своего великого современника или цитировал по памяти, но очевидно, что творчество Байрона занимало важное место в его размышлениях и что он не боялся с ним полемизировать.

Уэбстер довольно подробно описывает путешествие по австрийской Польше и России, из Кракова в Одессу и далее в Крым в августе — октябре 1827 г. Здесь можно отыскать сведения об экономике и торговле, рассказы о встречах с самыми разными людьми, этнографические наблюдения, картины природы, описания археологических памятников и современных городов, рассуждения на темы морали и религии. В приложении к дневнику помещен английский перевод «Донесения следственной комиссии 1826 г.» по делу декабристов [см.: Webster, vol. 1, p. 20—101; vol. 2, p. 333—435].

Вольно или невольно записки Уэбстера вступают в диалог с рассказами других путешественников — Э. Крейвен и М. Хоулдернесс, Ш. Ж. де Линя и Р. Лайалла, Э. Д. Кларка и П. С. Палласа, Дж. Александера и Э. Нилсен. Уэбстер старался быть объективным: у него нет, например, свойственной Кларку предубежденности по отношению к России и русским. Но определенный британоцентризм все же присутствует, будучи, видимо, органичным свойством натуры Уэбстера.

Уэбстер искренне считал британцев «первой нацией в Европе». С деятельностью британского премьера, по его мнению, другие народы связывали надежду на будущее: «каждое сведущее лицо, с которым нам довелось беседовать о делах политики», было расстроено известиями о смерти британского премьера Джорджа Каннинга, который только и мог обеспечить «свободу и счастье» для всего человечества. Потому о покойном политике скорбели, по мнению автора, во всем мире [см.: Ibid., vol. 1, p. 61]. Рассказ о «других», жителях Восточной Европы не обходится без сравнения с привычным, характерным для англичан, хотя путешественник пытается понять «других» и даже сочувствует им.

Уверенность в превосходстве британцев как нации не мешало Уэбстеру констатировать пороки отдельных англичан — скажем, завистливых и конфликтных жителей Одессы [см.: Ibid., p. 343]. Приходилось ему и слышать жалобы на своих предшественников, английских путешественников, в особенности прославленного Э. Д. Кларка, искажившего в своих записках реальное положение дел в Крыму и наделившего русских различными пороками [см.: Ibid., p. 60, 92, 100]. В частности, вымыслом оказался рассказ о том, как вскоре после завоевания Крыма русские солдаты ради развлечения принялись стрелять по мулле, поднявшемуся на минарет, и убили его [см.: Clarke, p. 173]².

Для Уэбстера Восточная Европа — место столкновения христианства и ислама, причем Османская империя была достойным и доблестным врагом (пусть и находившемся на низшей ступени упадка). Уэбстер полагал, что политика должна подчиняться морали. Он осуждает Австрию за расчленение Польши, спасшей европейцев от османской экспансии.

В Кракове, у могилы польского короля Яна Собеского, который в 1683 г. разгромил турок под Веной и тем самым остановил продвижение ислама на север, Уэбстер рассуждает о неблагодарности австрияков. «Lamentable indeed

² Это перекликается с наблюдениями другого шотландца — Дж. Э. Александера, побывавшего в России через два года после Уэбстера, и также обнаружившего многочисленные расхождения между текстом Кларка и реальной картиной русской жизни [См.: Храпунов, 2011b, с. 399—404].

is it, that the empire, so rescued in its hour of need, which owed its safety, and, we may say, owes its present existence to Poland, should have been among the first to assist and partake in the dismemberment of that once rich and noble kingdom — a dismemberment which must eternally stand recorded among the most flagitious and unblushing outrages on political faith and national law» [Webster, vol. 1, p. 23—24]³. По мнению Уэбстера, у польского освободительного движения нет никаких перспектив. «They may still continue to give splendid examples of patriotic self-devotion — they may complain and conspire, and may even obtain a temporary success; but the leaden weight of three empires must crush them in the end» [Webster, vol. 1, p. 43]⁴. «Рабское» положение поляков разложило их морально. Польские офицеры участвовали в заговоре декабристов, полячки же внешне красивы, но «are generally reported to be greatly disposed to pleasure and licentiousness» [Ibid., p. 42—43; vol. 2, p. 343]⁵.

Величайшей несправедливостью Уэбстер считает то, что, позабыв о Польше, европейские державы покровительствуют грекам, которые того не достойны. Грекам не свойственны ни польское рыцарство, ни турецкая честь и доблесть. Патриотизм древних эллинов давно забыт; в византийское время они навсегда обесчестили себя интригами, приведшими в конце концов к крушению их собственной державы. Свой долг защитников христианства они предали, «склонив крест перед полумесяцем и пав в пыль к ногам османской власти». Интересно, что все это написано еще до того, как Уэбстер побывал непосредственно в Константинополе. Очевидно, намекая на Байрона, он говорит о романтическом путешественнике-филэллине, очарованном встреченными на пути следами Античности и вводящем в заблуждение своих соплеменников-домоседов [Ibid., vol. 1, p. 24; см. также: p. 151—155; vol. 2, p. 127].

Надо сказать, грекофобия Уэбстера немало удивляла его современников [см.: *The Monthly Review*, p. 434—435]. Это не удивительно, ведь в то время многие европейские интеллектуалы попадают под обаяние филэллинизма — течения в искусстве, а затем и политической доктрине, сторонники которого выступали за создание независимого греческого государства. Некоторые филэллины не ограничивались моральной поддержкой греков, боровшихся против османского господства, помогали им материально, а иногда даже принимали непосредственное участие в национально-освободительном движении. Одним из идеологов филэллинов был лорд Байрон [см., например: *Spencer*]. В этом отношении Уэбстер был исключением из правила, выделяясь из общего «культурного фона». Показательно, что мысли о «греческом вопросе» не оставляли его и в Польше.

³ «Тем более печально, что спасенной в трудный час империи, обязанной безопасностью и, можно сказать, самим своим нынешним существованием Польше довелось стать одним из первых пособников и участников расчленения этого некогда богатого и славного королевства — расчленения, которое навечно должно остаться в списке самых чудовищных и бесстыдных нарушений политического доверия и национального закона» (здесь и далее перевод автора статьи. — *Ред.*).

⁴ «Они [поляки] могут по-прежнему продолжать показывать славные примеры патриотического самоотречения, они могут выражать недовольство и устраивать заговоры, могут даже добиться временного успеха, но в конце концов будут неизбежно раздавлены свинцовой пятой трех империй».

⁵ «...Как обычно говорят, весьма склонны к удовольствиям и блуду».

Австрийская Польша, отличаясь от Европы, была все же ее частью. Но пересечение русской границы по дороге между Бродами и Одессой напоминало «обряд перехода», потребовавший от путешественников немало времени, денег и нервов. Уэбстеру и его спутникам пришлось преодолеть целых три кордона пограничной стражи и таможенников, подвергаясь унижительному досмотру, давая объяснения и взятки чиновникам. Это заняло целый день, а отдохнуть на постоялом дворе тоже не удалось: путешественники «till five in the morning were occupied in vain attempts to sleep, and in unequal strife with a numerous army of fleas. At five we gave up the contest, and started at six, most unwillingly carrying off a detachment from the conflict of the previous night...» [Webster, vol. 1, p. 32—35]⁶. К чести Уэбстера, он не дал волю своему возмущению (Кларк в такой ситуации написал бы целый памфлет, в очередной раз заклеив «дикость и варварство» русских). Коррупция и антисанитария — две важные особенности жизни на Юге России, с которыми британцу не раз предстоит столкнуться в дальнейшем. По мере продвижения на юг путешественники оказывались во все более необычном окружении.

В конце концов оказавшись в Крыму и добравшись до Бахчисарая, Уэбстер понимает, что попал в другой мир — мир ислама. Русское завоевание оказало благо исследователям, сделав его открытым для европейцев, но оно же обрекло его на постепенную гибель. «It is a new world; and from the circumstance that its inhabitants are under a Christian power, the traveller has an opportunity of examining, by which it were well that he should profit. The Tatars are subdued, but the remembrance of their antient connexion with the Porte, and their religious identity, still remain. The time will come, and has nearly arrived, when their new masters will model them according to their own forms, and antient manners must fall into disuse» [Ibid., p. 89]⁷.

Уэбстер противопоставлял «цивилизованность» «варварству», причем у первой существовал ряд градаций. Показателем уровня цивилизованности является развитие искусства, которое должно проникать во все слои общества. Но Польша не смогла достигнуть того уровня цивилизации, когда в народе начинают процветать искусства. Пример польского дурновкусия — «чрезмерно раззолоченные» церкви, «in which glitter, bad taste, and complicated ornaments, are profusely employed, to prove the devotion of the people»⁸. Здесь нет живописи, а статуи грубы [Ibid., p. 31]. Уэбстер считал несовместимым с цивилизованностью преступлением разрушение памятников культуры, будь то древняя

⁶ «...До пяти утра тщетно пытались заснуть в неравном сражении с огромной армией блох. В пять утра мы признали своё поражение, а в шесть — выехали, в крайнем неудовольствии проклиная коллизию предыдущей ночи...»

⁷ «Это новый мир; и по той причине, что обитатели его находятся во власти христиан, у путешественника есть возможность для его изучения, которой ему неплохо было бы воспользоваться. Татары покорены, но воспоминания об их древней связи с Портой и их религиозное сознание еще сохранились. Придет время, да оно почти уже пришло, когда новые хозяева будут лепить их по собственной мерке, и древние привычки должны будут выйти из употребления».

⁸ «...В которых пышность, дурной вкус и замысловатые украшения щедро используют для того, чтобы показать набожность этого народа».

скифская столица, греческий Херсонес или пещерные церкви Инкермана. Древности уничтожали и мусульмане, и русские, тем самым превращаясь в «варваров» [Webster, vol. 1, p. 70, 75–76, 94].

Между прочим, когда речь заходит об археологических памятниках, Уэбстер проявляет отнюдь не характерный для путешественников ученый скепсис. Например, описывая искусственные пещеры Инкермана, о происхождении которых в те времена строили самые невероятные предположения, он не только вспомнил о похожих сооружениях во Франции и на Мальте, но и не склонен поддаваться обаянию их экзотического облика. Все можно отыскать простое, рациональное, обыденное объяснение, далекое от тайн и мистики. Пещерные постройки ничуть не более интересны, чем обычные дома. Жили же в них обычные люди: «Writers are too eager to work on the imagination of their readers. They tell us of men who lived in caves, and who must have been hermits, or persecuted Christians, or fabulous aborigines, antediluvian savages, or heroes, Greeks or Romans, or anything but common men, actuated by common motives; poor labourers, in fact, who seek the nearest and easiest shelter» [Ibid., p. 73]⁹. Хотя Уэбстер и не называет имен, возможно, речь идет о скрытой полемике с Палласом и Кларком [ср.: Паллас, с. 50; Clarke, p. 204–205].

Уэбстеру было свойственно глубокое, искреннее христианское чувство. Но он интересовался и другими религиями, их догмами и обрядами. Отторжение у шотландца вызывала не чужая вера, но сопровождавшие ее «примитивные» обряды и невежество священнослужителей. Общаясь с караимами на Чуфут-кале, он недоумевает, почему их раввины не могут объяснить, чем же караимизм отличается от иудаизма или почему некоторые жители городка совершают омовение перед молитвой [Webster, vol. 1, p. 81].

Наблюдая за молившимися в дворцовой мечети ханского дворца в Бахчисарае, Уэбстер воспринимает действие мусульман как кривляние, нелепую пантомиму. Голос муллы, призывавшего верующих на молитву, поющий молитву в мечети были ему эстетически неприятны. Автор противопоставляет ему величественный колокольный перезвон католических храмов, «порождающий в людских умах стремление к благочестию и созерцанию» [Ibid., p. 82–85].

Уэбстер размышляет о способах, которыми разные религии воздействуют на верующих. Несмотря на отличия между христианскими и исламскими молитвами, им свойственны и общие черты. Исламский обряд, по его мнению, воздействует на верующего через повторение ритуальной формулы, а не упреждает разум, как христианский. Он апеллирует к страстям, а не к мыслям. Впрочем, и католичество, и англиканство свойственна тенденция к упрощению, к повторению привычного. Как и христианство, ислам преуспел, и преуспел «благодаря скорее посулам, чем угрозам» [Ibid., p. 84–85].

⁹ «Писатели слишком стремятся воздействовать на воображение своих читателей. Они говорят нам о живших в пещерах людях, которые должны были быть отшельниками, или преследуемыми христианами, или сказочными аборигенами, допотопными дикарями, или героями, греками или римлянами, или еще кем-то, но только не обычными людьми, которыми двигали обычные мотивы; бедными тружениками, которые, на самом деле, искали ближайшее и простейшее убежище».

Общие черты свойственны не только религиозным практикам, но и поведению религиозных деятелей. Чтобы посмотреть на мистический «танец» дервишей в Бахчисарае, путешественники заплатили известную сумму денег. Характерно, что это не вызвало обвинений в адрес мусульман в сутяжничестве или корыстолюбии, ведь «this spirit of merchandise is not confined to the Mohammedans. At Haarlem, Lucerne, and Catania, we had the organ played for the same consideration which induced these poor Dervises to exhibit»¹⁰. Уэбстер в свойственном ему стиле задумываться о морали, задается вопросом: следует ли выставлять веру на показ любопытствующим приезжим, тем более за деньги? Ему это кажется понятным, но достойным сожаления [Webster, vol. 1, p. 88].

Впрочем, сам обряд Уэбстера скорее разочаровал, пусть и немало удивил: «To call this affair ridiculous, horrid, and incredible, is nothing; to form any conception of its disgusting absurdity, one must have witnessed it» [Ibid., p. 87]¹¹. Тем не менее Уэбстер признает, что по сравнению с шествием католиков-флагеллянтов, которое он наблюдал в Риме, странный и нелепый «танец» дервишей в любом случае кажется проявлением цивилизованности. Но эта цивилизованность более низкого порядка по сравнению с рафинированным христианством самого автора, ведь ей не хватает выразительных средств. «The gestures of the Dervises do but prove the strength of internal religion, and may be compared to the fertile and extravagant motions made by the dumb to express their thoughts. To those who speak, such notions seem absurd; but still they prove that the dumb have thoughts to express» [Ibid., p. 88]¹².

Когда речь заходит о суевериях, Уэбстер описывает их достаточно спокойно, без эмоциональных оценок, словно природные диковинки или археологические памятники. Так, например, для борьбы с саранчой татары приглашают «Dervises from Asia Minor, because the locusts come from Asia. These Dervises prayed around the mosques, and as a charm, ordered water to be hung out on the minarets, which, with the prayers, were meant to entice a species of blackbird to come in multitudes and eat the locusts in the Crimea. The water thus hung out is still preserved in the mosques. On this occasion, the Dervises collected eighty thousand rubles, the poorest shepherd giving half a ruble» [Ibid., p. 93–94]¹³.

¹⁰ «...Ведь дух торговли свойствен не только магометанам. В Харлеме, Люцерне и Катании для нас играл орган по той же причине, которая заставила выступать этих бедных дервишей».

¹¹ «Назвать его странным, страшным и невероятным — это не сказать о нем ничего; для того, чтобы составить себе хоть какое-нибудь представление о его внушающей отвращение нелепости, нужно самому его увидеть».

¹² «Жесты дервишей доказывают всего лишь силу их внутренней веры; они могут сравниться с обильными и нелепыми движениями, которые совершают немые, чтобы выразить свои мысли. Тем, кто умеет говорить, такие движения покажутся абсурдными, но они доказывают, что и у немых есть мысли, которые им хочется выразить».

¹³ «...Дервишей из Малой Азии, ведь саранча приходит из Азии. Эти дервиши молились вокруг мечетей, приказав вывесить на минаретах воду в качестве оберега, чтобы таким образом, вместе с молитвами, привлечь черных дроздов определенного вида, которые должны были явиться во множестве и пожрать крымскую саранчу. Собранный таким образом вода до сих пор сохраняется в мечетях. По этому случаю дервиши собрали восемьдесят тысяч рублей, причем даже самые бедные пастухи давали по полтине».

Существование подобного обычая подтверждает и другой путешественник — некая британка, которая девять лет провела в Крыму. По ее словам, справиться с саранчой могут какие-то азиатские скворцы с черно-белым оперением: «There is a tradition that these birds follow the water of a sacred well near Mecca wherever it is carried. Accordingly, some years ago, when the country was covered with locusts, a deputation of Moolahs from Baghtché Sarai, was sent to Mecca to procure some of that invaluable water. A few days after their return, the black and white starlings made their appearance, and the following year not a locust was to be seen in the country» [The Crimea, p. 139–140]¹⁴.

На востоке Европы внимание уделяется внешнему блеску, а не внутреннему содержанию вещей. С этим согласны даже местные жители — разумеется, те из них, кто обладают достаточным образованием и жизненным опытом. Например, рассказывая об Одессе, Уэбстер предоставляет право сделать выводы своему русскому собеседнику: «The administration of the hospitals, like almost every other establishment, is exceedingly corrupt; without, all is magnificence and splendour — within, wretchedness and filth. One of the principals, and a most intelligent man of Odessa, whilst speaking of this subject, said: “In London you see nothing without; but when you enter a house, or any public establishment, all is cleanliness and order”» [Webster, vol. 2, p. 347]¹⁵.

Некоторые местные обычаи, несмотря на кажущуюся дикость и странность, имеют известные достоинства. Будучи в Симферополе, Уэбстер оказался свидетелем публичной порки, которой по приговору русского суда подверглись преступники. Наказание кнутом, неизвестное в то время в Англии, поражало британцев. Так, его подробно описала Мери Хоулдернесс, весной 1818 г. наблюдавшая порку в Феодосии [см.: Holderness, p. 267–269]. Показательно что, несмотря на отвращение, которая сцена наказания вызвала у Уэбстера, этому эпизоду уделено без малого три страницы мемуаров [Webster, vol. 1, p. 95–97], что сопоставимо с его рассказом о Кракове или Одессе [Ibid., p. 22–25, 41–45].

Тем не менее Уэбстер заключил, что это наказание достигает цели лучше, чем традиционная английская виселица. Перетерпев мучения и оправившись от ран, преступник сможет изменить свою жизнь, тогда как зрители получили надлежащее внушение: «...Yet, upon reflection, it may be thought more adapted, than that of hanging, to the accomplishment of the object proposed by both. As regards the suffering of the criminal, the former is certainly the severer punishment; and, on

¹⁴ «По преданию эти птицы будут следовать за водой из священного колодца возле Мекки, куда бы ее ни отвезли. Соответственно когда несколько лет назад страну заполонила саранча, из Бахчисарая в Мекку за этой бесценной водой послали депутацию мулл. Через несколько дней после их возвращения появились черно-белые скворцы, а на следующий год в этой стране не видали ни единой саранчи».

¹⁵ «Администрация больниц, как практически любых других учреждений, чрезвычайно коррумпирована; снаружи — сплошное великолепие и роскошь, внутри — бедность и грязь. Рассуждая на эту тему, один из представителей начальства, самый образованный человек в Одессе, сказал: “В Лондоне вы ничего не увидите снаружи; но если войдете в дом или любое общественное заведение, то все окажется в чистоте и порядке”».

his recovery, which takes place in a few days, he has a chance of reforming his life, of which he is the more likely to take advantage, from the recollection of his past suffering. Its effect upon criminals before they undergo it, is, as we have stated, still greater, if possible, than the actual infliction; and the warning, which it gives to the spectators, seemed to make an impression which, as is well known, is rarely produced by an Old Bailey execution» [Webster, vol. 1, p. 97]¹⁶. Впрочем, до предложения ввести практику подобных наказаний на родине Уэбстер не дошел.

Путешественник видел, что освоение империями новых территорий связано со многими проблемами. Он не раз писал о притеснениях, которым подвергались крымские татары со стороны российских чиновников, или о злоупотреблениях последних [см., в частности: Ibid., p. 33, 55, 94–95; vol. 2, p. 345]. Все это, конечно, было проявлением нецивилизованности. Попытки же немногих выдающихся государственных деятелей принести цивилизацию (т. е. современную инфраструктуру, индустрию, сельское хозяйство, торговлю, мягкий режим правления) в эти края вязли в казнокрадстве и жульничестве чиновников.

Уэбстер рассказывает анекдотичную историю о том, как, готовясь к визиту императора Александра I, провинциальные губернаторы вспомнили о его давнем указе, предписывающем насадить вдоль дорог деревья: «...And thousands of peasants were bought from the interior, a day or two previously to that when his majesty was expected to visit a particular province, in order to be employed in cutting large branches of trees from the adjoining forests, which were directed to be stuck into holes, in regular rows, on each side of the road. Deceived by this laughable trick, (though frequency practised in Russia,) the emperor's congratulations at the improved cultivation of the country, & c. were bestowed most lavishly on his apparently industrious, but chicaning servants» [Ibid., vol. 2, p. 343–344]¹⁷.

Такого рода акции приводят лишь к росту недовольства простого люда, который к тому же винит во всем не мошенников-чиновников, а императора. Крестьяне «most heartily curse his Majesty, whenever he shews his royal countenance among them, as their labours are thereby suddenly augmented tenfold, in order to cover the disobedience of the provincial governor» [Ibid., p. 344]¹⁸.

¹⁶ «Поразмыслив, можно прийти к выводу, что оно лучше, чем повешение, достигает цели, которую оба они преследуют. Конечно, с точки зрения страданий преступника первое является более суровым наказанием; но после выздоровления, которое случится через несколько дней, у него будет шанс изменить свою жизнь, которым он скорее воспользуется, если вспомнит о своих недавних страданиях. Его воздействие на преступников еще до того, как те ему подвергнутся, как мы уже говорили, оказывается даже большим, чем само наказание, а предупреждение, которое оно посылает зрителям, кажется, производит на них впечатление, что, как хорошо известно, редко случается при казнях в Олд-Бэйли».

¹⁷ «Из внутренних районов свезли тысячи крестьян, чтобы они нарезали в окрестных лесах большие ветви деревьев, которые велено было расставить правильными рядами в специальных ямах по обеим сторонам дороги. Обманутый этим забавным трюком (который тем не менее часто применяют в России), император исключительно щедро расточал поздравления своим изредка работающим, но хитроумным подданным...»

¹⁸ «...Весьма усердно проклинаят его величество всякий раз, когда оно выказывает им свое высочайшее расположение, ведь в результате их труды внезапно десятикратно увеличиваются из-за того, чтобы скрыть провинности провинциального губернатора».

Но там, где другие иностранцы склонны видеть пороки русского характера, Уэбстер ищет более простые и реалистичные объяснения. Чрезвычайно распространенное на юге России взяточничество — продукт не общей безнравственности русских, но системы, при которой жалование чиновников минимально: «When Count Woronzow was first appointed Governor of South Russia, he found the whole government offices in a state of the greatest possible corruption», — сообщает Уэбстер¹⁹. Однако затеянные Воронцовым реформы потерпели поражение: «...Many of these officers, all over the country, were displaced, whilst others were ordered to be prosecuted in the criminal courts; and the vacant offices he filled up by persons who, it was believed, were respectable. The governor was, however, completely deceived — for, in a few months, the same pernicious practices had become as common as before. The delinquents were undeterred by the punishment of their predecessors. The misfortune was, that the Russian government did not allow their salaries to be raised, so as to give them the means of supporting their rank in society, without having recourse to bribery and extortion» [Webster, vol. 2, p. 345–346]²⁰.

Влияние среды столь велико, что даже англичане начинают вести себя здесь неподобающим образом. Так, одесские британцы «are in a state of open hostility with one another. The hide and tallow merchant is too aristocratic to hold intercourse with the meaner wool merchant, and he again is passed by others without any sign of recognition in the broad, dirty, very muddy and lonely streets of Odessa» [Ibid., p. 343]²¹.

Необычная природа, своеобразный облик и одежда местных жителей, их странные религиозные обряды — вот общие черты, роднившие между собой восточноевропейские народы. «Других» отличает не только внешность, но и черты характера. «Инакость» Уэбстер зачастую показывает через негативные свойства. Например, евреям повсеместно свойственно корыстолюбие и жажда наживы. «Rarely does one meet with people of such mingled cunning and effrontery — so obsequious and persevering»²² [Ibid., vol. 1, p. 24–26, 30–32, 37]. Русских отличает антисанитария в крестьянских домах, невежество, склонность тех, кто добился определенного положения, к злоупотреблениям [Ibid., p. 48, 54–55, 94, 97–98, 345]. В противоположность им, в татарских домах опрятно и уютно (хотя на улицах татарских кварталов грязно). Татары — радушные хозяева.

¹⁹ «Когда губернатором Южной России был впервые назначен граф Воронцов, он обнаружил, что все правительственные учреждения находятся в состоянии полнейшей коррупции».

²⁰ «...Многие чиновники потеряли свое место, тогда как других приказано было предать уголовному суду; освободившиеся места он заполнил людьми, пользовавшимися уважением. Однако губернатор совершенно обманулся, ведь за несколько месяцев все те же пагубные обычаи распространились так же широко, как и прежде. Виновных не испугало наказание, наложенное на их предшественников. Беда в том, что российское правительство не позволяло поднимать им жалование, чтобы они располагали средствами, достойными своего положения в обществе, не прибегая к взяткам и вымогательствам».

²¹ «...Находятся в состоянии открытой вражды между собой. Торговец кожами и салом слишком аристократичен, чтобы общаться с более скромным торговцем шерстью, а мимо него самого, не узнавая, идут другие люди по широким, пыльным, исключительно грязным и пустынным улицам Одессы».

²² «Редко можно встретить людей, в которых настолько перемешались хитрость и коварство, настолько подбострастных и упорных».

Как и евреи, они придерживаются некоторых ограничений в пище, а их женщины укрываются от взглядов посторонних. Но более всего им свойственна беззаботность и лень. Если, например, у телеги отвалилось колесо, татарин не только не займется ремонтом, но не станет даже распрягать быков, спокойно усевшись рядом в ожидании того, что проблема разрешится сама собой [Webster, vol. 1, p. 49, 50, 54–57, 65, 67, 68].

Праздность и безынициативность крымских татар отмечали многие путешественники начиная с герцога Ш. Ж. де Линя, сопровождавшего Екатерину II на юг в 1787 г. [см.: Lettres, p. 67–68]. П. С. Паллас предлагал даже выселить татар с плодородных земель Юго-Западного Крыма, дабы их лень не мешала хозяйственному освоению этой местности, введению новых, передовых технологий и культур [см.: Паллас, с. 149]. Уэбстер же пытается отыскать рациональное объяснение этой черте. Татарам попросту не нужно много трудиться, ведь благодатная природа сама снабжает их всем необходимым: «The life of the Tatar would appear to leave him nothing to desire. True, he is indolent and poor; but his wishes are as limited as his means. He gathers the fruit that falls beside him, and, sitting on the roof of his house, under the shade of the old walnut tree which sheltered his father's father, tastes all the mild gladness of repose. The Russians exclaim against the laziness of the Tatars: but wherefore should they work? They are the happiest peasantry possible without it, and are naturally unwilling to sink into common labourers» [Webster, vol. 1, p. 90–91]²³. Впрочем, не зная языка, путешественники могли принять видимость за само счастье.

Но Восточная Европа дала Уэбстеру повод поговорить и о тех, с кем он там не встречался, — французах, традиционных соперниках англичан. Они отличались от британцев не меньше, чем восточноевропейцы. Потому, остановившись в Симферополе, Уэбстер записывает в дневник услышанные от русских знакомых анекдоты об одной из ярких персон того времени — французской писательнице мадам де Сталь, поведение которой было не менее вызывающе нелепо, чем обряды дервишей [Ibid., p. 52–53].

Рассказывая о роскошной природе южного берега Крыма, Уэбстер высмеивает французских королей, пожелавших искусственно создать природные чудеса в версальских парках. К чему неустанные труды архитекторов и садовников, когда их потуги в любом случае будут уступать творениям природы? «In the gardens of Versailles are rocks, which were brought together at a great expense; and the grottoes and overhanging precipices are pointed out as admirable objects — and such they are, as shewing how far caprice and wealth can go in imitating nature. At every step in the gardens of Aloupka, you meet with rocks far more

²³ «Может показаться, что жизнь не оставляет татарину возможности иметь какие-нибудь мечты. Он и правда ленив и беден; но его желания также ограничены, как и его возможности. Он подбирает упавший рядом плод и, сидя на крыше своего дома, в тени старого грецкого ореха, под которым укрывался еще отец его отца, целиком отдается наслаждению тихим счастьем отдыха. Русские возмущаются ленью татар, но почему они должны работать? Они и без того — счастливейшие из крестьян и, естественно, не желают превращаться в обычных тружеников».

imposing than the wonders of Versailles, and such as a thousand 'grands monarques' could not have collected»²⁴. Английскому королю подобные каприз в голову прийти, конечно, не может [Webster, vol. 1, p. 66]. Французы оказываются не меньшими чужаками, чем русские или татары.

Больше всех виденных в восточной Европе мест Уэбстеру понравился Крым. Покидая полуостров, он сожалел о том, «that this interesting country was left behind us, probably for ever. We had found the scenery as beautiful, and the manners of the old natives as peculiar as we had anticipated. We had been treated with the greatest hospitality; and now, in turning away for ever, we experienced that depth of melancholy accompanying the thought that all the qualities and sympathies which had just been known and awakened were now no more than remembrances of a vision irrecoverably passed away» [Ibid., p. 98]²⁵.

Записки Уэбстера рисуют живую картину нового мира. Он не похож на привычный автору, но и не лишен своих достоинств и внутренней логики. Рассказанное им иногда говорит больше о самом Уэбстере, его характере и менталитете. Знаменитый афоризм Оскара Уайльда об искусстве, как выясняется, справедлив и в отношении большинства путевых записок: для путешественников чужой мир зачастую оказывается зеркалом, в котором можно увидеть собственное отражение. Однако, несмотря на это, Уэбстер смог сообщить массу интересных сведений о жителях Восточной Европы и об оказавшихся там представителях Западной Европы, об устройстве экономики и государственного управления, религии и культуре, этнографии и археологических памятниках.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с.

Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII — начало XX века). Киев, 1999. 211 с.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С. Л. Белявская, А. Л. Бертье-Делагард. М., 1999. 246 с.

Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. 14. С. 645–697.

Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011а. Вып. 17. С. 595–630.

²⁴ «В садах Версаля есть скалы, для соединения которых в одном месте потребовались огромные расходы; тамошние гроты и нависающие обрывы показывают как выдающиеся объекты — они и являются таковыми, демонстрируя, насколько далеко могут зайти каприз и богатство в попытках имитировать природу. В садах Алулки вы на каждом шагу встретите скалы, куда как более внушительные, чем версальские чудеса, такие, что не собрать и тысяче "grands monarques"».

²⁵ «...Что эта интересная страна осталась позади уже, наверное, навсегда. Природа ее оказалась красивой, а нравы ее древних жителей необыкновенными, оправдав наши ожидания. К нам отнеслись с величайшим гостеприимством; теперь же, уезжая навсегда, мы ощутили глубокую грусть при мысли о том, что все пробудившиеся и узанные недавно добродетели и чувства стали лишь воспоминанием о безвозвратно ушедшем видении».

- Храпунов Н. И.* [Рецензия]. Рец. на кн.: Дж. Александер. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008 // *Ab Imperio*. 20116. № 2. С. 397—405.
- Chaney E.* The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. Routledge, 2000. 426 p.
- Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the First. Russia, Tahtary, and Turkey. Fourth Edition. Vol. 2. L., 1817. 524 p.
- Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. L., 1827. 316 p.
- Kizilov M.* Karaites through the Travellers' Eyes. Simferopol'; Warsaw, 2003. 269 p.
- Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne.* 2nd éd. Paris; Genève, 1809. 333 p.
- Memoir of Mr. James Webster // Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. 1. L., 1830. P. i—cxxx.
- Spencer T. J. B.* Fair Greece! Sad relic; literary philhellenism from Shakespeare to Byron. L., 1954. 312 p.
- The Crimea: Its Towns, Inhabitants, and Social Customs.* L., 1855. 111 p.
- The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta.* Vol. 1. N. Y., 1830. 638 p.
- The Monthly Review.* 1830. Vol. 14. 630 p.
- Trease G.* The Grand Tour. L., 1967. 251 p.
- Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... 2 vols. L., 1830. ccxii + 162 p. (1); 435 p. (2).

Статья поступила в редакцию 30.08.2012 г.